

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полусны So ColdWater

So ColdWater

Полусны

<https://litres.ru/74048124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед глазами мелькает тысячеликая жизнь. Это сборник ярких вспышек. Книга про парня, который сам не осознает, где кончается сон и начинается жизнь. Тяжелая история про человека, потерявшего ощущение стабильности.

Содержание

0.0	4
1.1	6
1.2	9
1.3	11
1.4	16
1.5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Полусны

0.0

Моя жизнь - сборник скрепленных между собой самостоятельных жизней. Я не могу писать что-то цельное, у меня не лежит к этому душа. Я пишу так, как мне хочется. В этом и есть я.

Приятного чтения. Взаимосвязи рисуйте себе сами по мере необходимости.

Я люблю тебя, я люблю тебя, жизнь! Я люблю твою большую романтику! Я люблю желтый свет фонарей, я люблю снегопады, я люблю тот самый мост и ту самую девушку, что лежала у меня на коленях. Я люблю очень много, моя жизнь - классный сборник. Я люблю тебя, музыка, я хочу до конца своих дней быть верным тебе!

Заледеневший фанатик, холодные руки, мерзкий ветер, сладкие духи, нежные объятия, странный Лавкрафт, моя худоба. Городские огни, красивые люди, ребяческая наивность, ясное небо, вспышками фар воспоминания об отце. Ты тоже был частью моей жизни, но той, благодаря смерти которой мне открылась дорога к более важным вещам. Ты пропал, я не помню тебя! Я люблю, я люблю свою жизнь и буду перманентно соединять ее со злобой к вам всем, но по

сути только к себе, ведь весь мир - это я.

1.1

- Так ты один живешь?

- Да. У меня нет родителей.

Глаза, в которых я напрасно пытался прочесть детскую травму, смели с меня заинтересованный взгляд. Я наблюдал за тем, как ветер балуется с ее волосами. Подняв на меня взгляд со своих ног, она удивленно на меня посмотрела. В ее глазах что-то мелькнуло, как мне показалось. Ей хотелось оказаться на моем месте, я был в этом уверен. Ей хотелось вкусить настоящей свободы.

- Правда? - спросила она, говоря тише в два раза, будто опасаясь причинить мне какую-то боль.

Я молчал. Сзади мчались машины. Она взяла меня за руку. Мы стояли друг перед другом. Я улыбнулся. Нет, смутился и отвел взгляд. Потом я начал гладить ее кожу своими пальцами, ощущая, как меня предостерегают сильные стучки в груди. Моя голова противилась каждой моей мысли, заставляя тело дрожать.

Мы стояли на остановке. Был день, около двух часов после полудня. Мы ждали, когда придет автобус. Когда автобус ее заберет.

Ее звали Майя. Она была на голову ниже меня. На ней была кожанка, черная, как и вся остальная одежда. Несмотря на это, девушка источала яркий свет. Через бледную кожу про-

ступали ангельские сигналы, прорывая толстую ткань. Она поила меня своими глазами, а я все еще был тем же лохом. Я опасался владеть, продолжал видеть в этом лишь грязь.

- И давно ты один?

Я посмотрел в сторону, наблюдая за тем, как улетает машина. Убрал руки в карманы своих черных брюк. Задумался о машинах, как лох, пренебрегая девушкой рядом. Люди в них - никто иной, кроме как роботы. Полупрозрачное тело сверкало своей грязью внутри, оголяло мне их глупые убеждения. Я любил из них только одно: *"Не существует ангела, его выдумал парнишка-нахал. Ангела никогда не было и не будет"*. Они посещают одно здание за другим по чужой воле. Слушают музыку, вспоминая, как слушали музыку в машине отца. Остановить бы время на пару минут, чтобы они пару недель впадали в то состояние, в котором я сейчас нахожусь. Может ли чья-то жизнь стать таким же сном, каким стала моя?

Тяжелую серую дорогу, по которой мчались эти прислужники дьявола, прижимало сверху десятинное акварельное небо. Я посмотрел и на него. Я и глаза закрыл, променяв свое ощущение жизни вокруг на шипящее растворение в шуме трения черных шин об сухой асфальт. Об асфальт, не успевший осознать смену сезона.

Я был в бордовом свитере. В старых темно-синих брюках с белой надписью "sport".

- Не знаю.

Эти слова произнес кто-то невнятным шепотом. Она вздохнула - тяжело и устало. Будь я живым, будь я человеком, а не амебой, я бы обнял ее сзади за плечи, ощутил бы запах корицы и кофе, запах этих черных волос, уже принадлежавших другому. Она бы мне улыбнулась и мы бы поцеловались, не будь я скомканным промокшим листком старой бумаги, наполовину исписанной кривым почерком.

Вот и приехал ее автобус. Облегчение окатило меня волной пота. Майя лишила меня своих нежных прикосновений и не теряя времени зря зашагала в сторону тарахтящей машины. Я смотрел на нее, стоящую там, в этом автобусе, и думал, хотя лучше бы делал.

1.2

Эта крышесносная весна меняет во мне человека. В прошлом она и правда была круче намного, потому что я еще не мог знать, чего можно ожидать от будущих лет. Надо жить жизнь и будь с ней что будет. Надо радоваться всему.

- У тебя есть какие-нибудь странные фетиши?

Мы стояли на лестничном пролете в моем доме. Из-за серых облезающих стен мне казалось, будто это не дом, а какое-то старое заброшенное здание. Будто мы забрались в руины ранее оживленного места, в свое лучшее время полного детьми и веселыми стариками.

Она была прекрасна, как и всегда. Густые черные волосы, маленькие далеко посаженные глаза, крошечный рот. Изумрудные радужки изучали меня, а я изучал их. Ее глаза улыбались мне, а я был как камень. Как лох.

- Есть.

- Какие?

- Я не скажу.

Она побежала вниз по ступенькам, а я бросился следом. Мое сердце билось быстрее, чем я успевал делать шаги. Но эта погоня была достаточно медленной: все же, это был сон. Это здание было неадекватно высоким.

Я вылетел из подъезда. Ее рядом не было. Весенний воздух проник в мои легкие и освятил их своей чистотой. Жизнь цвела. И уже было темно. Несколько часов назад зажгли фонари.

Она выглянула из-за куста с розовыми цветами. Еще недавно на его месте стоял скелет дикой пустыни. От времени суток бутоны цветов были закрыты. Она засмеялась, увидев меня, вскрикнула и снова побежала куда-то. А я стоял и смотрел на этот ебанный куст. Я был убийцей всей этой романтики, я кромсал женское тело, предаваясь полностью не ему, а самой атмосфере. То же самое, что полной хуйне.

Прошло несколько лет, прежде чем я бросился за ней следом. За это время все мои сверстницы постарели.

Я не люблю зимы, но они стоят того, чтобы ждать возвращения жизни. Каждая песчинка вокруг меня была рада. Она была рада, я был рад.

Где-то на балконе одной многоэтажки, которую я пробегал, кто-то смеялся. Кто-то женского пола. Я перешел с бега на шаг, остановился, делая частые вдохи и пульсируя всем своим телом. Кроме всего этого, пытаюсь разглядеть свой новый предмет интереса. И это была не та девушка, за которой я бежал минут десять назад. Это был кто-то другой, новый.

1.3

Проехавшая мимо машина смачной пощечиной поставила точку в этом глупом вопросе. Майя этого не поняла, что-то спросила еще, но я не отвечал, делая вид, что не слышу.

Мы обнялись для приличия, она улыбнулась, подмигнула мне и зашла в открытые двери автобуса. Когда они закрылись, продолжала смотреть на меня, до тех пор, пока не пришлось платить за проезд.

Я медленно наполнил воздухом свою грудь. Боже мой, боже мой. Очередной припадок любви ко всей это хуйне. В большей степени, к одиночеству. Был сентябрь, еще было тепло. Я закрыл глаза. Перед ними постоянно куда-то несло мое прошлое, но сейчас несло не так быстро. Просто я почти не спал ночью. Я вообще почти перестал спать. Мне нравилось это полупьяное состояние.

В ближайшей мусорке из бетона (наверно) лежал мой кофейный стаканчик. Я приоткрыл глаза, зевнул и потянулся. Один прохожий на меня посмотрел. Какой-то дед с взъерошенным остатком поседевших волос в серой поношенной куртке.

Через пару минут я пошел вверх по улице. В сторону техникума, в котором когда-то учился. Примерно два миллиарда лет назад, когда трава была зеленее и плохое настроение окружающих меня людей, будучи фоном моему состоянию,

заставляло тогдашнего подростка искрить еще большим количеством счастья. Я неисправимый эгоист, которого по итогу закалил буллинг с третьего по шестой класс, внедрив в голову эту до истерики заебавшую позицию: *"в жизни можно быть либо волком, либо овцой, а выбрать не всегда можно"*. И хоть я не примкнул к стае зверей, но стал агрессивней, благодаря чему через пару лет некоторое время своего становления юношей потрачу на вызывающее (в том числе и смех у моих интернет-друзей) общение в группах, собранных мной же из случайных людей, по какой-либо причине томящихся в анонимных чатах. От скуки, конечно.

Пока иду к техникуму, мысли с безумной скоростью преобразуются из радикальных в еще более радикальные. К примеру: может я действительно счастлив? У меня своя квартира, я не учусь, живу на деньги по потере родителей. У меня нет забот, и теперь тебе действительно может показаться, что я счастлив. Ты бы завидовал такой жизни, признайся. Хотя, если честно, большинство наложили бы на себя руки на моем месте - у меня ведь совсем никого нет. Только эта Майя и ей подобные. Они все счастливей меня, ведь у них перед глазами не крутится прошлое. Никак не связанные между собой сцены, периоды и настроения. Порой мне кажется, что это воспоминания нескольких десятков людей, живших ранее до меня, и друг друга не знавших. Бесконечная тоска по вещам, которых вокруг меня нет, и которых я не помню что бы видел в последнее время. Это у всех так: кажется, будто

раньше было в двести раз лучше. Это просто человеческий изъян. Непробиваемый факт для мозга, точно такой же, как и посланная третьим лицом необходимость оставить потомство.

Мимо меня на велосипеде проехал желтый курьер. По левую сторону от меня. Однажды и я им работал. Но когда это было? На еще зеленых деревьях пели какие-то птицы. Синицы, может быть, я не знаю. По сухому асфальту справа проносились автомобили. И было тепло. И я шел к месту, которое для меня целый год было больше, чем домом. Чувствую себя стариком, если честно, потому что вспоминаю время так, будто оно было лет двадцать назад, абсолютно не веря, что оно вообще было. И кажется, будто оно реально было лет двадцать назад, и его, в то же время, будто реально и не было.

Потом был перекресток. То самое место, где мы с Максимом стояли по две минуты, ожидая, пока светофор мигнет нам зеленым. Пока мы ждали, сзади разгорался закат... Или спереди. Я не помню. Помню только это вечное пламя тоски, что-то, предзнаменующее пиздец, что-то очень грустное, будто солнце тяжело ранили и оно просит о помощи, будто на моих глазах медленно режут шею маленькому котенку. Кому какое дело до солнца. Пока мы стояли с Максимом на этом перекрестке, обсуждали учебу. Обсуждали общагу. Обсуждали все, что только могли - свою проявившуюся, как старая фотография, новую жизнь. Боже, как же тогда было здорово.

И вот я шел по тому пешеходному переходу, где несколь-

ко лет назад шел вместе со своим одноклассником. Мы ни с кем не общались весь год, кроме друг друга, был первый курс. Я часто уходил гулять в одиночку, отделяясь от вселенной проводными наушниками и грустно-агрессивным хип-хопом. Никогда не перестану считать, что мое настроение (эту вселенскую тоску, длящуюся будто бы вечность, существовавшую еще до моего появления, в которой растворяются все инструменты и остается лишь язык чувств) понять не сможет никто. Потому что, чтобы понять это, надо отбросить все страхи кому-то там не понравиться, перестать париться по вещам, намного менее страшным, чем неумолимая смерть. Жизнь одна. Однажды солнце все-таки лопнет, зальет всех нас желтой слизью из снов, что меня каждый раз приятно шокируют.

Техникум. Эти синие стены, эти четыре ряда окошек. Эти ступени ко входу. Это место, где под конец первого курса мы стояли и слушали какой-то концерт. Девятое мая, вроде бы, было. Да я говорю вам, это воспоминание другого какого-то человека. Я не верю, что это было со мной. Я не верю, что вместе со мной там был человек, что уже более полугода назад оборвал со мной всякий контакт. Вся эта чушь мне приснилась, все эти странные люди - результат деятельности воспаленного разума. Настоящий человек не закрывает глаза на полного энергии парня, что готов тратить все свои силы на зарядку и своей и вашей жизни желанием космического уровня заниматься чем-либо интересным и необычным,

двигаться вперед и развиваться, при этом так наслаждаясь процессом, что схожих с этим чувств вспомнить никому банально не выйдет.

Я стоял перед этим техникумом и ощущал, как кто-то сжал мое сердце. Я слышал его быстрый, но скованный стук. В горле ком, как же глупо. И серое небо это вовсе не давит. Мне под ним так хорошо.

1.4

Кометой я пробил целлофан вашего забитого общества. Я познал силу образов и мне любая реальность будет приятна. Мне интересно узнать, какой еще может быть жизнь, поэтому я люблю творчество.

Я обожаю дождь. Обожаю дождь в этом городе. Я обожаю сам этот город, люблю его грязно и полностью. Я хочу, чтобы он разъедал мое тело, как кислота. Хочу стать его частью, хочу стать этим ебучим дождем. Ему так спокойно живется, ведь у него нет проблем, нет никаких мыслей и опасений. Главное, что нет мозга, члена и сердца.

На стеклах моих очков несколько капель. У меня астигматизм. Я вижу свечение этого города, вижу, как идет дождь, как в лужах пестрит неон вывесок. Деревья сверкают влажной листвой - игрушкой вольного ветра.

Легкие наполняются воздухом до предела. Глаза перестают видеть, когда мои веки смыкаются. Вот он какой, мой личный рай. Очутиться на той самой планете, которая только твоя, которую ты собакой пометил, которую никому не отнять. Ради нее я тайком от семьи сбежал рано утром зимой и уехал в столицу автобусом, чтобы уже из этой столицы на поезде целую ночь в ожидании долгожданного сладостного слияния сидеть на жопе, как на иголках, мечтать обо всем, в

том числе и о той самой, которой нет и не будет.

Я открываю глаза и вижу ту же картину, вижу черные силуэты людей. В воздухе осталась гроза, но не в ней дело. Магия прошлого витает в округе. В каждом сантиметре по всем сторонам похоронена тысяча моих детских взглядов из-за стекла отцовского автомобиля. Было так интересно не зная маршрутов предполагать, какое место покажется следующим. Как же сильно сжимается сердце от воспоминания, как я тогда маленький прямо по этой дороге ехал и смотрел на аллею, даже не подозревая, насколько родной она мне когда-нибудь может стать. Это так нелогично, так страшно, так вдохновляет.

Я все свое детство гнил в деревнях, мы всегда бедно жили, я мечтал о самом низменном и кое-как это самое низменное получал. Я был так глуп, хоть был и умным мальчишкой. Думал, что все будет сложнее. И как я был рад, когда оказалось, что я сильнее их всех, что я не ошибался, не зря не сдавался и гордо шагал к своей расплывчатой цели. Я способен рискнуть всем ради простых прогулок с утра, я способен отказаться от всех, с кем раньше общался, только ради того, чтобы вечерами в окно общежития видеть этот самый мифический город, шкатулку с болезненно сверкающим светом в окошках, отнятую грубой реальностью из рук наивного мальчика. Я оказался гигантом, а они все маленькими зверьками, по невежеству которых и страдают миллионы других, не получая стимула развиваться. Отсутствие си-

лы воли убивает сотни семей. Я пробил своим худеньким телом металл толстой клетки, я покинул ее и никогда ни за что туда не вернусь, как бы банально меня ни манила семья, как бы ни давила на жалость. Я не больной в этом плане. Я больной в плане чувств, что можно сказать о любом лохе.

И вот стоял я тогда под этим прекрасным дождем, чувствовал жизнь каждой клеткой своего хрупкого тела, и ни за что бы не смог догадаться, что все это может в один миг пропасть. Скиснуть, как молоко, своим запахом еще какое-то время причиняя мне боль и физическую, и моральную. Мог ли я подумать тогда под дождем, что сам сотру в порошок этот сказочный мир? Одним слабым движением превращу в пыль целый город. В лихорадке клоуна-перфекциониста захочу лишиться себя всех приспособленных к моему телу кем-то деталей, не понимая, насколько глубоко они во мне проросли, насколько сильно я к ним привязался.

1.5

На тротуаре валялись осколки стекла. В них отражался свет фар проезжающих мимо машин. Нарастающим свистом меня глушил звук трения шин о мокрый асфальт.

Набережная. Метров на пятьдесят ниже меня лента черной реки. Она, как и осколки стекла рядом, тоже блестит, будто звездами. В ее воде отражается неровными полосками белая луна.

Ветра нет. Красивые провинциальные березки. То самое откровение, от которого кружится голова. Вспоминается тусклый оранжевый свет фонарей, под которым в ночи кажется, будто ничего кроме и нет. Деревья, шевелящие своей черной мокрой листвой в этом свете. Идеальные условия чтобы пропасть навсегда. Змееподобный парапёт, напоминавший своими застывшими щупальцами океанское чудище.

Я стоял и смотрел сверху вниз на эту черную речку. Сжигал до последнего листка выдумку, греясь огнем, возвращаясь в реальность. Стоял и смотрел на луну в небе. Стоял и слушал, как сзади проносятся редкие автомобили.

За спиной воздвиглась церковь. Тусклый оранжевый свет освещал ее наполовину, оставляя мне весомый кусок темноты на дыхание. Эту церковь объединяли дети двух разных родителей: суровой страны и райского сада. Куда бы я ни

смотрел, я видел слияние двух противоположных цветов в одном целом: эти европейские, но старые здания, на величие которых всем похуй, на этот до экстаза тихий, но до отчаяния скучный вечер. И темнота, присущая как мне, так и убийце.

Я замер на месте, не собираясь и шага в этой жизни более сделать. Пульсирующий кусок мяса остывал, каменел понемногу.

За речкой внизу светились окна домов. Дома были разными, они были от разных родителей: кто-то от современных многоэтажек, кто-то от серых панелек, а кто-то от убогих избушек. Но все они светились красиво, потому что темнота съела в них все уродство. Душами этих коробочек были неоднозначные люди, к которым я мог относиться с надеждой, лишь когда представлял, какие мысли к ним могут прийти в одиночестве.

Я оперся на парапет спиной, дополнительно уперевшись руками. Я представил, что стою на вершине самой высокой горы и что передо мной простирается долина моей извращенной любви к темноте. *Ничего*, благодатное отсутствие *всего*. Только капелька грязи, капелька фонарного света.

Была осень. Грустно, что она олицетворяет начало. Получается, что впереди меня ждет чей-то план, полный жестоких сюжетных поворотов и не менее жестоких героев. В число событий, гнетущих меня настоящего из будущего, входили нудные обязанности, не доставляющие наслаждения ни

одному здоровому человеку, ведь только откровенно больные сопротивляются накоплению в чаше своей души тягучего черного вещества - несогласия, бури дьявольской силы, доказывающей существование у индивидуума своих собственных идей, целей и стремлений.

В оранжевом свете тряслись рваные листья березы. Они были ребенком, что вот-вот успокоится и прекратит обливаться слезами. Тихим, как ни один настоящий ребенок.

На моей голове черный капюшон моей взмокшей куртки. В моей груди змей из райских садов обвивает нестабильный кровавый моторчик. Я находился будто в тумане, все второстепенные персонажи будто исчезли и из моей, и из глобальной памяти. Сам я, как главный герой, перестал нести очередной глупый смысл - просто существовал, чтобы ощущать, стоя на той самой высокой горе. Эта гора - хороший образ, но место было несколько другим. Я, скорее, уткнулся головой в низкий потолок своего жилища, и просто не видел пространства над собой. Я не достиг всего, чего бы мог достичь, то есть был обычным человеком. А теснота обозначала мой большой размер и намекала, что эту чугунную плиту мне надо пробить своей хрупкой макушкой.

Людам цели нужны только от скуки - вот что я понял, пока поворачивался к церкви, поднимая свой взор до проема, из которого был виден массивный бронзовый колокол. Эта интимная обстановка между мной и зданием прошлого века поднимала мне настроение, как это происходит всегда, ко-

гда я оказываюсь с тем, кто мне симпатизирует (пусть даже с неосуществленным предметом), наедине.

Я простоял в забвении еще пару минут, а после медленным шагом отправился в ту же сторону, из которой пришел. Людям нужно ощущение радости от достижений. Людям нужен комфорт, а все остальное - просто предлог, чтобы его получить, или суметь ощутить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.